На правах рукописи

Бердникова Ирина Александровна

ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СУЩНОСТИ КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

09.00.03 – история философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки философского факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Завьялова Маргарита Павловна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор,
директор Института философии и
права СО РАН (г. Новосибирск)
Целищев Виталий Валентинович

кандидат философских наук, доцент
кафедры истории философии и логики
философского факультета ГОУ ВПО
«Томский государственный университет»
Эннс Ирина Андреевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский политехнический университет»

Защита состоится 21 сентября 2007 г. в 14.30 на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, ул. Московский тракт, 2-е, Учебный корпус № 4, ауд. № 306

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34-а.

Автореферат разослан 10 июля 2007 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета О. Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Фундаментальной проблемой современного социально-философского познания является осмысление беспрецедентных глобализационных и интеграционных процессов, полностью меняющих облик социальной реальности. В фокусе внимания мыслителей всего мира оказывается задача исследования обретающих особую остроту социальных конфликтов: политических, религиозных, расовых и межкультурных столкновений. В указанной ситуации особую роль начинает играть конфликтологическая парадигма, позволяющая эксплицировать критерии критики и пути преодоления социальных катаклизмов и патологий, которые можно наблюдать в постиндустриальном обществе. Одним из наиболее влиятельных направлений в рамках конфликтологической парадигмы является Франкфуртская школа, представившая наиболее последовательную и значительную попытку создания программы социальной теории, в компетенции которой оказывается решение методологических условий критического проекта общества.

Основным маркером франкфуртской традиции является стремление перевести критическую концептуализацию социальной реальности, органически присущую философскому знанию, в специфический критический дискурс, отличный как от нерефлексивности повседневных критических высказываний, так и от абстрактного универсализма философских категорий. В современной ситуации указанная научная проблема и потребность общества в социальной критике не только не теряют своего значения, но и обретают особую остроту, инспирированную динамическим характером социальных изменений, связанных с глобализацией публичных сфер, включающих поле влияния средств массовой информации и виртуальных технологий. В свете фиксированных обстоятельств актуальность приобретает необходимость пересмотра самой критической позиции, обретающей новые характеристики: интерпретационная множественность, высокая степень мобильности, усиление влияния (в том числе появления новых технологий воздействия) на восприятие обществом социальных процессов и фактов; а также модификации адресата критического сообщения – публики, характеризующейся массовостью, социальным эклектизмом и амбивалентностью (речь идет о необходимости обращения не к ограниченному числу «сторонников», например революционно настроенной социальной группе, а в предельном значении к человеческому сообществу как таковому).

Актуальность обращения к анализу франкфуртского наследия обусловлена не только возможностью вскрыть эвристический потенциал, отвечающий злободневным запросам общества, но и возможностью провести историко-философский анализ оснований и генезиса современных трансформаций. Будучи одним из самых влиятельных направлений критицизма XX века, Франкфуртская школа представила оригинальный анализ как самих социальных событий прошлого века, так и способов его философской концептуализации и критики. Особое значение для философской современности имеет представленное в работах анализируемых мыслителей исследование трансформаций основных

философских категорий и идей: разума, истины, проекта Просвещения, субъект-объектных отношений, отчуждения, утопии и т.д., отражающее динамику и маршруты философского поиска XX века. Представленная франкфуртцами методология исследования разложения классического философского дискурса дает возможность проанализировать генетическую взаимосвязь между кризисом классической парадигмы рациональности и социальными катаклизмами современности. Указанное обстоятельство позволяет по-новому поставить вопрос об основаниях и природе социального, а также проблематизировать центральные категории социогуманитарного познания, связанные с традиционными оппозициями: социум – личность, рациональное – чувственное, публичное – приватное, массовое – элитарное, реальное – воображаемое и т.д. Таким образом, актуальность исследований, посвященных социальной критике, также обуславливается ее определяющим значением для становления гуманитарных и социальных наук.

Проблема методологии и статуса социальных исследований в общем кругу научных дисциплин является одной из центральных тем в работах Франкфуртской школы, ставшей одним из первых симптомов перехода к неклассической социальной теории. Произведенная франкфуртцами проблематизация понятия «теории» и специфики метода социальных наук, повлекшая за собой в шестидесятых годах XX века знаменитую дискуссию о позитивизме (Positivismusstreit), является одним из наиболее масштабных и последовательных проектов – наследников дискуссии о методе (Methodenstreit) конца XIX века. Следует отметить, что постановка проблемы метода одновременно выступает моментом саморефлексии наук об обществе, способствующим успешной институализации и эмансипации социальных исследований от давления со стороны естественнонаучных дисциплин. Однако сильной стороной франкфуртского подхода являются не предельная конкретизация и ограничение поля социальных изысканий, а возможность через ревизию традиционной методологии раздвинуть границы социальной рефлексии и коммуникация с другими отраслями и сферами гуманитарного познания. Сохраняющей свой эвристический потенциал и актуальной для всей области социогуманитарного знания представляется попытка франкфуртцев выработать проект селекции социальной критики на базе психолого-психоаналитических, эстетических, этических, исторических и лингвистических исследований.

Подводя итог вышесказанному, стоит выделить две составляющие актуальности анализа франкфуртского наследия. Во-первых, это множество эвристических тенденций и интуиций проекта критической теории. Во-вторых, это имманентная самой традиции проблема – необходимость создания адекватной реалиям современности социальной теории, поскольку программа критической теории в большей мере являет собой методологическую платформу для означенного рождения, нежели законченную и герметичную философскую доктрину.

Таким образом, проблемное поле работы может быть очерчено двояким образом. Во-первых, это реконструкция критического метода. Данная проблема может быть отражена как следствие фиксированного ранее обстоятельства –

бурного изменения социальной реальности или перехода от постиндустриального к информационному обществу и, как следствие, необходимости пересмотра критической методологии, равно как и роли критики в современных условиях в целом. Указанная постановка проблемы инициирует потребность в новой оценке франкфуртского наследия, а также вопрос о нахождении адекватного способа экспликации и определения критического метода. Во-вторых, это проблема диагностики эвристического потенциала данного метода, что в общем виде может быть отраженно в вопросе: позволяет ли критический метод в теоретическом плане выявить адекватный способ рефлексии социальных отношений; и в практическом плане – позволяет ли он эксплицировать патологии развития общества и сформулировать конструктивную программу их преодоления в современной ситуации?

Степень теоретической разработанности проблемы.

Следует отметить, что анализируемый метод представляет собой один из наиболее востребованных сегодня способов осмысления сущности и характера современных социальных процессов и в этом смысле фундирует большинство интенций, возникающих в исследовательском пространстве как российской, так и западной философии. Однако на настоящий момент в рамках отечественной традиции можно констатировать отсутствие фундаментальных работ, посвященных анализу критического метода Франкфуртской школы.

Говоря о советском периоде, следует выделить основательные работы, вышедшие в конце семидесятых. Например, это сборник «Социальная философия Франкфуртской школы», изданный совместно московским издательством «Мысль» и пражским «Свобода», а также работа Ю.Н. Давыдова «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы». Указанные исследования представляют собой глубокий (по большей части историко-философский) анализ франкфуртского наследия, однако сильные идеологические акценты, неизбежно сопутствующие работам того периода, приводят к искажению в оценках и интерпретации положений франкфуртской теории. Возникшая в этот период (конец семидесятых) «уральская школа», представленная именами А.В. Гайда, С.Е. Вершинина, А.Б. Максутова, В.Н. Руденко, А.В. Франца, В.А.Лоскутова, В.Л. Шульца, долгое время оставалась практически единственной русскоязычной традицией, осуществляющей переводы и издающей критические работы по Франкфуртской школе. Однако социально-политическая конъюнктура и необходимость раскрыть перед читателем практически «неизвестную» философию, приводят к тому, что основная часть работ уральской школы носит обзорно-биографический характер.

Интерес к анализу франкфуртского наследия возрастает в постсоветский период, чему, несомненно, способствует выход в девяностые годы русскоязычных переводов работ франкфуртцев. Франкфуртская школа обретает заслуженное гражданство в учебных пособиях и лекционных курсах, конференциях и научных семинарах по философии и социологии. Следует отметить, что интерес к франкфуртской традиции в современной российской философии по большей части связан с теорией коммуникативной рациональности, анализу которой посвящены работы В.Н. Фурса, М.Е. Соболевой, И.П. Фарман, Н. Плотникова, Р.

Сундукова, И.А. Бусовой. Анализ перехода от классической критической теории к коммуникативной концепции Ю. Хабермаса представлен в работах А.В. Назарчука, И. Лабуева. Следует также отметить весьма значительные для воссоздания генезиса традиции и контекста проблематики работы А.Б. Баллаева, К.Х. Момджяна, С.П. Поцелуева, М.А. Хевеши, Т.И. Ойзермана. Анализ эстетических проектов Франкфуртской школы представлен в работах В.А. Подороги, Г.Г. Соловьевой, В.Г. Арсланова, Ю.Н. Давыдова. Проблема психоаналитических мотивов в творчестве анализируемой традиции рассмотрена в трудах В.М. Лейбина и А.М. Руткевича, также рассматривающего проблемы методологии.

Наряду с отечественной традицией, в диссертационном исследовании использованы западные критические работы по Франкфуртской школе. Очевидным преимуществом западных исследований является тонкий анализ контекста возникновения тех или иных взглядов и трудов, благодаря чему им не только удается воссоздать ситуацию интеллектуального климата, задающую общий ход философскому поиску франкфуртцев, но и не упустить индивидуальные особенности философских взглядов представителей Франкфуртской школы. Сказанное справедливо для исследований таких авторов, как U. Gmünder, W. van Reijen, G. Figal, R. Wiggershaus и др. Анализ эстетических проектов Франкфуртской школы представлен в работах Ch. Thies, R. Duarte, F. Grenz, H. Kaiser, V. Kaiser, H. Scheible. Рассмотрение роли психоаналитической методологии в теоретических проектах Г. Маркузе и Э. Фромма представлено в работах B.Görlich. Подробный анализ переосмысления фрейдистского наследия и развития эмпирических проектов Франкфуртской школы реализован в работах M. Jay. Следует отметить авторов, анализирующих политические и этические взгляды Т.В. Адорно – это M. Wischke, S. Schwarzböck. В работе будут использованы критические исследования таких авторов, как D. Horster, T. McCarty, A. Honneth, H. Gripp, H.-J. Wagner, посвященные анализу творчества Ю. Хабермаса.

Следует также отметить работы, выходившие на русском языке. Существенную роль для анализа весьма неоднозначных работ В. Беньямина играют исследования Х. Аренд, С. Инголфссона, Г. Шолема. Тонкая критика интерпретации психоанализа представителями Франкфуртской школы представлена в работах А. Грюнбаума. Широкую панораму концепций социальной критики в XX веке представил в своих работах М. Уолцер, уделивший особое внимание взглядам Г. Маркузе. Рассмотреть идейные предпосылки становления франкфуртской теории, а также проанализировать перспективу ее дальнейшего развития позволяют исследования по истории формирования западного марксизма таких авторов, как П. Андерсон, М. Маркович, Т. Рокмор, С. Стоянович и др.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования заключается в историко-философской реконструкции сущности критического метода Франкфуртской школы для выявления его эвристических возможностей в контексте раскрытия актуального проекта социального познания и критики.

Достижение поставленной цели подразумевает решение следующих задач:

1. произвести экспликацию предпосылок и прояснение исходных положений критической методологии Франкфуртской школы; выделить имманентно присущие критической теории цели и основания;

2. тематизировать преемственность и генезис критического метода в контексте историко-философского развития, определить его специфические параметры и новизну по отношению к философской традиции как таковой;

3. определить роль критического метода в контексте становления социальной теории и социальных науках, а также его статус в кругу социогуманитарного познания;

4. проанализировать область практического применения критического метода, вынести заключение о его эвристических возможностях;

5. представить обоснование возможности использования эвристического потенциала для создания актуального проекта социальной критики.

Методологические основания исследования.

В качестве теоретической основы исследования выступают работы М. Хоркхаймера, Т.В. Адорно, Г. Маркузе, В. Беньямина, Э. Фромма, Ю. Хабермаса. Однако успешная реализация исследовательского замысла видится возможной через обращение не только к оригинальным работам Франкфуртской школы и их критическому осмыслению как в отечественной, так и в западной традиции, но и благодаря анализу существенного для становления франкфуртской доктрины историко-философского контекста: трудов К. Маркса, Д. Лукача, З. Фрейда, А. Шопенгауэра, Х.Г. Гадамера, К.-О. Апеля, а также работ немецкой классической философии, прежде всего И. Канта и Г.В.Г. Гегеля. В исследовании также будут учтены не только моменты преемственности, но и доктрины, вызывавшие активное отрицание и негативную оценку в трудах анализируемых мыслителей. Прежде всего, это концепции М. Хайдеггера, К. Поппера и традиции французского постмодернизма. Принятие во внимание указанных работ является необходимым ключом к пониманию полемического пафоса, характерного для многих работ Франкфуртской школы.

Таким образом, в работе будет использован метод герменевтической реконструкции, позволяющий приблизиться к пониманию аутентичных интенций авторов и реконструировать имманентную логику развития учения. Реконструкция целостной модели и логики движения мысли франкфуртской традиции делает необходимым учет исторической динамики и ослабления – усиления влияния со стороны отдельных персоналий философской традиции, что предполагает использование методов экземплярного и сравнительного анализа. В отдельных параграфах работы в качестве способа конкретизации метода исторического сравнения используется биографический метод, позволяющий произвести адекватную рецепцию отдельных «неаргументированных» положений доктрины.

В работе также используется метод критической интерпретации (проблематизации), позволяющий исследованию избежать тривиальных результатов при трактовке работ Франкфуртской школы. Для достижения поставленной цели интерпретационный момент работы дополнен методом

реконструкции, с помощью которого произведено переосмысление франкфуртского проекта критической теории и продемонстрированы условия и эвристические возможности создания на ее базе актуальной критической программы. В работе также используются традиционные философские методы: дедуктивный анализ и синтез.

Научная новизна исследования.

В диссертации предложен комплексный подход к исследованию сущности критического метода Франкфуртской школы. Применение указанного подхода позволяет достичь следующих новаторских результатов:

1. Раскрыт эвристический потенциал критической методологии для создания варианта актуального проекта социального познания и критики.

2. Выявлено конститутивное значение критического метода для развития социогуманитарного познания, согласно которому задаются не только регулятивные принципы познания, но и сам объект познания.

3. Представлена теоретико-методологическая модель социального познания, согласно которой познание выступает моментом преобразования социальной реальности.

Осуществление исследовательского замысла включает в себя адаптацию результатов как оригинальных, так и критических непереведенных работ к исследовательскому опыту отечественной философской традиции, что позволяет расширить понятийный и категориальный аппарат последней.

Положения выносимые на защиту.

1. Сложившаяся исследовательская традиция насчитывает несколько подходов к рассмотрению и определению философского направления, именуемого Франкфуртской школой. Интерпретаторы франкфуртского наследия и исследователи историко-философского толка предлагают различные версии внутреннего деления школы: идея выделения нескольких «волн» в эволюции школы, деление на группы, соответствующее области исследования и т. д. Попытка дать исчерпывающее объяснение философскому явлению, получившему название «Франкфуртская школа», также наталкивается на парадокс. С одной стороны, как справедливо указывает Г. Фигль: «Из всех философских группировок и направлений в Германии 20 века Франкфуртская школа более всех остальных заслуживает наименования школа».[1] Однако, с другой стороны, попытки представить какой-либо достаточный принцип, согласно которому столь различные концепции и идеи охватываются единой номинацией «Франкфуртская школа», оказываются не столь результативными. Попытка определить в качестве указанного принципа членство в Институте социальных исследований кажется наиболее логичной, но не достаточной, поскольку оставляет открытым вопрос как квалифицировать поздние работы Г. Маркузе, ушедшего из института в 1942 г., или работы В. Беньямина, написанные до его вступления в институт. Попытка использовать в качестве принципа обоснованность концепцией К. Маркса также продуктивна только отчасти, поскольку не учитывает часть важных для

[1] Figal G. Die Entwicklung der Frankfurter Schule // Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1., Hamburg: Rowohlt, 1992. - S. 311

становления франкфуртской традиции концепций, например не связанные с марксизмом ранние работы В. Беньямина.

В диссертации также предлагается введение такого принципа, в качестве которого, на наш взгляд, может выступать единство в понимании оснований методологии социального познания. Преимуществом применения указанного принципа является возможность рассмотреть франкфуртскую традицию как особый тип социального познания, основанием самобытности которого является оригинальная трактовка методологии.

2. Экспликация специфики подхода к методологии социального познания осуществлена на основании тематизации концепта «критики». Отличительным маркером франкфуртской традиции является принцип изоморфизма познания и критики, что инспирирует переход социальной теории в критическую теорию. Таким образом, реконструкция сущности критического метода позволяет вскрыть и объяснить не только имманентную логику развития Франкфуртской школы, но и тематизировать методологическую модель построения особого типа социального познания, в рамках которого процесс познания выступает моментом преобразования общества. В работе представлена экспликация оснований методологической модели, релевантной для каждого из теоретических проектов франкфуртских мыслителей – в рамках настоящего исследования она определена как «исходная модель».

3. На основании анализа развития критической теории в работе показана возможность трансформации методологической модели (о чем свидетельствует образование «синтетической» и «альтернативной модели»), сочетающейся с преемственностью и константностью базовых признаков, к числу которых можно отнести: установку на содержательную критику и отказ от формального прочтения критики; аналитику объекта социального познания с позиции структуралистской установки, сочетающуюся с принципом требования рассмотрения объекта познания на двух уровнях – модусе видимости и сущности. В качестве ключевой посылки критической теории выступают аксиома «о наличии социального конфликта» и регулятивный концепт «лучшего будущего»; принцип методологической автономии социального познания и отрицание методологического холизма; принцип тождества познавательного процесса и саморефлексиии общества, сочетающийся с тезисом о единстве научного и общественного кризиса; снятие субъект-объектного противопоставления; принцип единства теории и практики; принцип изоморфизма познания и критики; а также установка на междисциплинарность и интеграцию философского и научного познания.

Сказанное позволяет интерпретировать критическую теорию как чувствительный к общественным изменениям тип социального познания, что, в свою очередь, квалифицирует критический метод как актуальный инструмент познания и преодоления патологий современного общества.

Научно-практическая значимость исследования.

Представленное в работе рассмотрение позволяет проанализировать основные вехи развития философских идей критической теории, расставить акценты напряжения и преемственности между концепциями, подчеркнуть

внутренний генезис и проблематичность каждой из доктрин, что открывает возможность для аутентичного исследования анализируемой традиции. Результаты проведенного исследования также могут выступать основанием для более масштабного изучения не только данной философской традиции, сыгравшей непреходящую роль в развитии современной философии, но и для исследований теоретических предпосылок критического пафоса философии в целом.

Представленное исследование ориентированно на ряд вопросов, которые являются актуальными как для современной философии, так и для органического развития современного общества. К таким вопросам можно отнести проблему преодоления эскалации социального конфликта, проблему преодоления отчуждения, а также развития условий и форм социальной критики и согласия. Указанное направление работы и специфика в постановке проблемы также открывают возможность развития междисциплинарных проектов и исследований для таких научных областей, как социология, конфликтология, педагогика и психология.

Результаты работы не только расширяют и углубляют философско-методологическую проблематику социогуманитарных наук, но и являются существенным вкладом в разработку отечественной традиции осмысления критического метода, что позволяет использовать их в составе учебных пособий и курсов по методологии социального познания, истории философии и социальных наук.

Апробация результатов исследования.

Основные концептуальные идеи и выводы диссертации были апробированы на аспирантском семинаре и на заседаниях кафедры Философии и методологии науки Философского факультета Томского государственного университета, на различных научных конференциях и семинарах. По теме диссертации состоялись выступления на 5 конференциях, в частности выступления на 2 международных и 3 всероссийских конференциях. Результаты исследования представлялись специалистам в области социальной методологии ИС РАН во время научной стажировки в рамках специализированного курса «Модели объяснения и логика социологического исследования» (Центр социологического образования Института социологии РАН). Содержание диссертации отражено в восьми публикациях.

Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры Философии и методологии науки Философского факультета Томского Государственного университета.

Структура диссертации.

Структура диссертации отражает логику исследования, определяется поставленной в работе целью и соответствует порядку решения задач, необходимых для ее реализации. Диссертация состоит из введения, трех глав (шести параграфов, одиннадцати разделов), заключения и списка литературы, включающего 143 источника на русском языке и 79 источников на немецком языке. Объем диссертации составляет 155 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности, определенны цель и задачи, прописана методологическая база исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, обозначается структура диссертации.

Первая глава «Исходная модель критической теории» состоит из двух параграфов (четырех разделов).

Первый параграф «Принципы и основные категории критической теории» состоит из двух разделов и посвящен решению двух задач: во-первых, прояснению содержания базовых установок и понятийного аппарата; во-вторых, выявлению исходной методологической модели проекта франкфуртцев.

Первый раздел «Понятие «критическая теория» в ранних работах М. Хоркхаймера» посвящен исследованию центрального для анализируемой традиции понятия – «критическая теория», оригинальная формулировка которого принадлежит М. Хоркхаймеру; что позволяет тематизировать исходный вариант программы построения социальной теории, определивший дальнейшее развитие Франкфуртской школы. Указанная программа носит негативный характер; основным оппонентом критического проекта выступает наличная форма научного познания или «традиционная теория», характеризующаяся универсализмом, индифферентностью к специфике предметных областей, преобладанием математического аппарата, высокой степенью рационализации и т.д. Основанием для критики традиционных теорий выступают их принципиальная некритизируемость и фетишизация факта. Социальную функцию теорий данного типа мыслитель видит в утверждении и воспроизводстве существующей социальной действительности. Указанный тезис раскрывает единство научного и социального кризиса, выявляя репрессивную природу социальной функции науки.

Таким образом, критическая теория – это проект социального познания, ориентированный на преодоления ограничений, свойственных наличной форме научного знания. Основные методологические установки критической теории могут быть выражены в следующих положениях: отрицание нейтральности субъекта познания, выражающееся в принципе историзации (тезис о историческом характере предмета и метода) и принципе социологизации (тезис о социальной детерминации субъекта); отрицание нейтральности научного познания подчеркивает принцип аксиологизации; отказ от формальной критики; снятие деления науки на узкие специализации, что открывает возможность решить проблему критической инстанции и рефлектировать социальную роль ученого (тезис о деятельной позиции субъекта и ориентация на междисциплинарность); установка на преобразование социальной реальности (включающая тезис о единстве теории и практики).

Во втором разделе «Антипозитивистский пафос критической теории Т.В. Адорно» достигается более детальное определение понятия «критическая теория», благодаря рассмотрению его редакции, предложенной в поздних работах Т.В. Адорно. Целью анализа является обнаружение константных оснований

методологической модели критической теории, что позволяет обследовать возможности ее реформирования и развития. В качестве своего оппонента Т.В. Адорно также определяет господствующую форму научной методологии, которую он обозначает понятием «позитивизм», под которым мыслитель подразумевает ставшую универсальной методологическую модель естествознания. Наследуя хоркхаймеровскую программу, он конкретизирует ряд ключевых положений. 1. Объектом познания критической теории выступают не сингулярные факты социального бытия, а общественная тотальность и законы ее исторического развития. Наследуя концепции К. Маркса, Т.В. Адорно рассматривает объективное понятие общества через структуру общественных отношений. 2. Факт лишается универсальности и автономии, он превращается в явление, за которым необходимо увидеть движущие силы. Принципиальным отличием критической теории от «одномерной» позитивистской теории является аналитика, осуществляющаяся на уровнях сущности и видимости. 3. Источником объективности критической теории выступает соотнесение не с научным status quo, а с общественной структурой; а также, благодаря включению содержательной критики на всех этапах, теория превращается в теорию само-критики, что избавляет ее от необходимости критической ревизии со стороны господствующей парадигмы.

Во втором параграфе «Тема разума в работах Франкфуртской школы периода 40-х годов», состоящем из двух разделов, рассматривается проблематизация категории «разум». Поскольку критическая теория дискредитирует наличную форму научной и философской рациональности, то проблема обнаружения «не репрессивной» формы рациональности одновременно является перспективой развития франкфуртского проекта социальной критики.

В первом разделе «Проблематизация концепта «разума» в центре внимания находятся проблематизация категории «разума», представленная М. Хоркхаймером в 40-е годы, а также исследование возможных вариантов разрешения указанного вопроса. Мыслитель определяет разум как единственную возможность регулирования общественных отношений, следовательно, развитие общества проблематично не в силу неразумности его организации, а благодаря способности разума к самосохранению. Представленная М. Хоркхаймером критика разума является исходной точкой для развития нескольких концептуальных моделей критики: во-первых, само-отказ; во-вторых, поиск альтернативных форм познания; в-третьих, аналитика оснований рациональности с целью обнаружения «подлинной» формы рациональности. Последний вариант М. Хоркхаймер реализует через соотнесение субъективного и объективного разума. Выделим ряд ключевых положений: во-первых, причины патологий общественного развития следует обнаружить в структуре самого разума. Во-вторых, разум подвергается критике не только как основание социальных взаимосвязей, но и как источник познания. Таким образом, перспектива критики на данном этапе связывается не с отрицанием рационального познания, а с обнаружением фундаментальных оснований рациональности, которые позволили бы через экспликацию ограничений, присущих наличной форме рациональности, произвести ее снятие. В-третьих, критика разума, проводимая в двух указанных

измерениях, не осуществляется изолированно, образуя диалектический переход: гносеологическая критика переходит в социальную и наоборот.

Второй раздел «Проект диалектической логики и критика инструментального разума» развивает проблематику предыдущего фрагмента, выявляя коллизию господства разума и его собственной системы. Итогом проблематизации разума в ранней критической теории становится тема инструментализма, отражающая переход разума в статус технического средства. Диалектический проект радикализирует критику разума, вскрывая присущее разуму имманентное противоречие между декларируемыми целями и реальным воплощением. В качестве пропедевтики к тотальной критике разума М. Хоркхаймер и Т.В. Адорно используют критику форм его воплощения, уделяя основное внимание научному познанию и культуриндустрии, что инспирирует развитие темы «Я» и поиск методологии, позволяющей схватить «единичное». Поскольку результатом тотальной критики становится фактическое отождествление рационального и властного, то в центре внимания критической теории оказывается «подавленное»: природа и чувственность. Основные тенденции и следствия диалектического проекта: отрицание примата субъекта познания (тезис о первичности объекта); отказ от разума как единственного достоверного источника познания (метод миметического отношения к объекту); легитимация чувственности в качестве источника познания, что намечает переход философии в эстетическую критику; актуализация познавательного интереса к маргинальным категориям традиционной философии: природа, чувственность, случайность, безумие; кризис традиционного понимания разума также инициирует поиск альтернативных онтологий рациональности, что одновременно ставит проблему экспликации новых оснований социальной солидарности.

Вторая глава «Синтетическая модель критической теории» состоит из двух параграфов (четырех разделов).

Первый параграф «Психоаналитический метод в структуре критической теории», состоящий из двух разделов, ориентирован на выявление способа снятия ограничений, присущих исходной методологической программе. В параграфе представлен анализ оснований и следствий модификации критической теории, осуществляющейся благодаря включению в ее содержание психоаналитической методологии.

В первом разделе «Основания интеграции психоанализа и критической теории» рассматривается попытка преодоления кризиса ранней критической программы, возникшего вследствие тотальной критики разума. Перед Франкфуртской школой возникает задача поиска метода, позволяющего не только вскрыть бессознательные основания разума, но и преодолеть скрытый в самом разуме патологический механизм самосохранения. Указанная задача решается благодаря рецепции и социологическому прочтению психоаналитической методологии (перенесению акцента с бессознательных на сверхсознательные структуры психики человека). Наиболее продуктивным следствием интеграции психоанализа и критической теории является создание теоретико-методологической концепции, позволяющей вскрыть корреляцию происхождения общественных форм сознания, утративших способность к самосознанию и

критике, и диалектики распада социальных институтов, что находит свое выражение в теоретических и эмпирических исследованиях антисемитизма и авторитарного синдрома.

Синтез психоанализа и критической теории явился существенным моментом преодоления кризиса исходной критической программы. Если внимание к имплицитной социальной структуре, проявленное К. Марксом, позволяет обнаружить причину социальных патологий, то анализ структуры «Я», представленный З. Фрейдом, делает возможным обнаружение условий гносеологического и критического бессилия современного субъекта. Поскольку кризис исходной модели связан с дискредитацией разума на двух уровнях: разума как принципа социальных связей и разума как способа познавательного отношения к миру, то синтез марксизма и психоанализа позволил сформулировать методологию, выявляющую фундаментальную связь между феноменами, ранее фиксированными на двух указанных модусах. Возникновение синтетической модели критической теории является практической реализацией декларированной в исходной программе междисциплинарной коммуникации.

Во втором разделе «Статус психоанализа в работах Э. Фромма и Г. Маркузе» рассмотрены теоретические проекты указанных мыслителей с целью выявления причин, способов и последствий включения психоаналитических конструкций в структуру критической теории. Мыслители развивают тему социальной аннигиляции «Я»; лейтмотивом их размышлений становятся тема свободы и принуждения и, как следствие, поиск методов выявления и преодоления социальной репрессии и деградации личности. Развитие указанной темы требует переосмысления концепции «Я» З. Фрейда, которое мыслители осуществляют благодаря рецепции экзистенциализма. При этом в центре внимания Г. Маркузе оказывается проблема социальной репрессии, которая находит выражение в анализе общества потребления и феномена одномерности мышления, тогда как Э. Фромм обращается к анализу механизмов социальной связи и нахождения путей гармонизации личности. Основные мотивы обращения к теории З. Фрейда: 1. «Внешним» фактором являются трансформации общества, произошедшие в XX веке: феномен «массового сознания», интеграция классов и рождение идеологии «Great Society». Поскольку указанные изменения не только не охватывались теорией К. Маркса, но и подрывали ее основные положения, обращение к психоанализу является попыткой объяснить изменения, происходящие в глубинных слоях психики индивида, которые бы объяснили невозможность прогнозируемого К. Марксом перехода от пассивного «в-себе» к деятельному «для-себя». 2. Теория З. Фрейда, описавшая идиосинкразийный характер переживания индивидом состояния счастья и освобождения, инспирирует дополнительную проблематизацию критериев критики.

Основным следствием интеграции психоанализа и критической теории является переосмысление понятия «практика». Поскольку разум сам по себе начинает трактоваться как репрессивная социальная сила (например, Разум у Маркузе), а наличная инструментальная рациональность – как способ утверждения его господства, то формой его практического отрицания становится не столько действие, сколько осознание или обнаружение способа рационального

выражения подавленного. В указной ситуации неслучайным является обращение к методологии психоанализа, полагающей осознание проблемы ключевым моментом ее преодоления. Таким образом, поскольку наличный тип рациональности утрачивает способность к критике, критика разума сама по себе начинает выступать моментом его преодоления, а, следовательно, действием, имеющим практический резонанс.

Второй параграф «Эстетические основания в структуре критической теории» развивает проблематику предыдущего параграфа: поскольку наличная форма рациональности определяется как репрессивная, критическая перспектива связывается с рецепцией подавленного – природного и чувственного начала. Основная цель параграфа состоит в раскрытии методологии, способной осуществить указную рецепцию. Поскольку достижение названной цели осуществляется благодаря легитимации альтернативного основания критики – чувственности, то основной задачей является анализ включения эстетических оснований в структуру критической теории.

В первом разделе «Функции эстетической теории в философии Г. Маркузе» рассматривается вариант включения эстетических оснований в теорию социальной критики, предложенный Г. Маркузе; при этом обращение к эстетике в концепции мыслителя является логическим продолжением рецепции психоанализа. Результатом развития психоаналитической теории подавления является выделение двух видов репрессии: необходимой и прибавочной. Тематизация прибавочной репрессии как избыточной формы социального контроля приводит к ряду следствий. 1. Социальная революция трактуется как отказ от прибавочной репрессии. 2. Выявление прибавочной репрессии возможно на основании анализа подавленного бессознательного. 3. Учитывая сопротивление рациональному осознанию, бессознательное может быть раскрыто в сфере иррациональной активности личности или искусстве. Критический потенциал искусства Г. Маркузе раскрывает через свойство негативности – отрицания существующей социальной реальности и трансцендентности – возможности выхода за пределы социальной действительности, благодаря которым искусство выступает стимулом к революционным действиям. Указанная концепция социальной критики позволяет конституировать ситуацию кризиса в трех коррелятивных модусах: общество – усиление прибавочной репрессии, личность – упразднение «Я», культура – аффирмативное искусство. Результатом критического проекта Г. Маркузе является оригинальная трактовка революционного протеста, получившая название «Великий отказ». Если К. Маркс рассматривает историю буржуазного общества как объективный процесс, то Г. Маркузе рассматривает ее с точки зрения психоаналитической концепции субъективности: если первый искал объективные обстоятельства революции, то второй ищет единомышленников, в качестве которых он рассматривает людей, способных отказаться от «репрессивного счастья» современности, что объясняет преобладание в аргументации Г. Маркузе argumentum ad hominem.

Во втором разделе «Эстетическая критика В. Беньямина и Т.В. Адорно» представлен анализ оригинальной версии методологической программы эстетической критики. Основанием эстетической критики является концепция

«негативного мышления», выступающая альтернативой понятийному мышлению классической философии. Указанная концепция является продолжением критики рациональности раннего проекта франкфуртцев, поскольку основной задачей негативного мышления является разрушение монолога рационального познания и экспликация подавленных мотивов, маргинальных смыслов и чувств. Идейным истоком эстетической критики является проект исторической и культурной критики В. Беньямина, в котором общей задачей анализа обоих феноменов выступает попытка разрушить сложившуюся картину реальности. Тогда как для Т.В. Адорно, испытывающего сильное влияние В. Беньямина, проект эстетической критики также является продолжением идей диалектической логики. В центре методологии эстетической критики находятся требование демонтажа логического насилия, отказ от традиционного субъекта философии в пользу эстетического субъекта, перенесение внимания с общего на единичное, синтез рационального и миметического отношения к миру, использование в качестве критерия критики непосредственной силы переживания. Методологический арсенал эстетической критики представлен: приемами цитатного монтажа, констелляции, самоизображения (Selbstdarstellung), а также концептами «диалектического образа» и «конкреции».

Выделим ключевые моменты эстетической критики. 1. Включение эстетических оснований в критическую теорию решает проблему поиска критерия критики. Поскольку ранее критическая теория отрицала возможность интерпретировать в качестве критерия интересы какой-либо социальной группы, то экспликация подавленного в искусстве дает необходимый фундамент для легитимации критической позиции. 2. Поскольку тематизация подавленного происходит в объектной, а не в субъектной размерности, синтетическая модель представляет вариант разрешения ранее постулированной задачи на преодоление субъект-объектной оппозиции. 3. Развитие указанных методов является вариантом утверждения примата методологии, постулированного в исходной модели, поскольку в рамках указанной методологии истина определяется через истинный способ выражения опыта и знания. 4. Достигается расширение гносеологического поля философии, благодаря легитимации чувственной формы познавательного отношения к миру. 5. Обращение к психоанализу и эстетической теории также развивает представленную в исходной модели установку на междисциплинарную коммуникацию.

Третья глава «Альтернативная модель критической теории» состоит из двух параграфов; первый параграф подразделяется на два раздела.

В первом параграфе «Критическая теория Ю. Хабермаса» на примере анализа концепции Ю. Хабермаса рассматривается возможность реформирования исходных посылок франкфуртского проекта. Целью настоящего фрагмента является обнаружение перспективы адаптации методологического проекта критической теории к реалиям современного социального познания, поскольку демонстрация возможности построения альтернативной модели социального познания является необходимым моментом для экспликации эвристического потенциала критической теории.

В первом разделе «Проблематизация социального познания в теории Ю. Хабермаса» рассматривается вариант разрешения проблемы ангажированности социального познания, поставленной в ранней критической программе. Основной вопрос, который пытается решить Ю. Хабермас: каковы нормативные основания критики общества, если критика не может преодолеть свой вовлеченный характер? Отправным моментом размышлений Ю. Хабермаса также выступает отрицание позитивизма, однако он не принимает его следствия – тотальную критику разума. Инструментальная форма рациональности, соотносящаяся с модусом производства, не является тотальной – Ю. Хабермас тематизирует коммуникативную рациональность, соотнося ее с модусом языка, поскольку концепция, охватывающая только производственные отношения, оказывается не в состоянии обосновать источник нормативности, позволяющий сформулировать теорию социального изменения. Социальная теория исследует рациональные основания коммуникации, что позволяет раскрыть основания согласия, а также квалифицировать то или иное притязание на значимость как обоснованное или нет, что, в свою очередь, дает возможность преодолеть ангажированность социального познания.

Выделим основные характеристики социального познания. 1. В качестве предметной области социального познания выступает коммуникация, что требует методологической автономии. 2. Ю. Хабермас, как и иные представители Франкфуртской школы, настаивает на необходимости развития синтетической модели критической теории, что в случае его теории является откликом на усложнение в понимании предмета социального познания. 3. Тематизация коммуникативной рациональности, позволяет преодолеть гносеологический пессимизм ранних франкфуртцев, а также открывает возможность для расширения области и способов применения критической теории. 4. Мыслитель реализует новую трактовку понятия «практика», поскольку коммуникативное действие является не процедурой описания мира, а активным полаганием действительности и, следовательно, особым типом социальной практики.

Во втором разделе «Тема рациональности и критическая теория Ю. Хабермаса» представлена экспликация эвристических возможностей критической теории. Основная проблема раздела может быть представлена следующим вопросом: может ли концепция Хабермаса быть рассмотрена как вариант переосмысления критической методологии на альтернативных основаниях? К основным признакам отличия Хабермаса от ранней модели следует отнести: диаметрально противоположную оценка Просвещения, из которой вытекает концепция модерна Хабермаса; расширение предметной сферы социального познания модусом языка и, как следствие, включение в критическую теорию коммуникативной практики; преодоление тотальной критики разума и тематизацию альтернативной формы рациональности – коммуникативного разума; переосмысление понятия «истина»; отход от субъектной парадигмы к полаганию децентрированного интерсубъективного пространства; переосмысление общественной системы и имплицитной общественной структуры и т. д. Однако Ю. Хабермас развивает основные идейные направления: критику либеральных форм согласия, критику культуры, тему роли института семьи в

социализации «Я» и т.д. При этом теория Ю. Хабермаса сохраняет базовые признаки критического метода Франкфуртской школы: отрицание позитивистской методологической модели, коррелирующее с тезисом о методологической самобытности социального познания; ориентацию на междисциплинарную коммуникацию; структуралистский подход к анализу общества и ориентацию критической теории на экспликацию имманентных социальных структур; тезис единства теории и практики; тезис гомогенности социального познания и критики; отказ от трактовки критики как формального анализа, интерпретация критики в горизонте рефлексии общества – преодоление узкометодологического прочтения критики и т.д.

Представленное в работе рассмотрение позволяет сделать ряд ключевых выводов. Во-первых, теория коммуникативного действия, не являясь непосредственным повторением критического метода, сформулированного в ранней критической программе, наследует базовые принципы критического метода франкфуртцев, а также содержит аналогичные моменты. Во-вторых, анализ критического метода в коммуникативной теории Хабермаса и эстетической теории франкфуртцев позволяет высказать тезис о возможности сохранения сущностных характеристик метода при смене содержательных посылок теории. В-третьих, анализ, проведенный в работе, раскрывает потенциал критического метода через рассмотрение возможности его применения вне сферы аналитики индустриального способа производства, что позволяет вынести суждение об эвристическом характере метода Франкфуртской школы.

Во втором параграфе «Базовые признаки критического метода Франкфуртской школы» представлен итог диссертационного исследования – целью настоящего параграфа является тематизация сущностных признаков методологической модели Франкфуртской школы. Результатом предыдущего рассмотрение стали экспликация базовой модели критической теории, а также демонстрация возможности построения на основании ее методологического остова нескольких концептуальных проектов социального познания, развивающихся в русле критической традиции. Наиболее удачной метафорой развития методологической платформы критической теории будет не последовательная смена ряда вариантов критической программы, а движение в направлении множества разнонаправленных векторов, исходящих из общей точки, в качестве которой выступает первоначальная целостность критических установок, предпосылок и аксиом, определяемая нами как исходная модель.

Перечислим сущностные признаки критического метода Франкфуртской школы: установка на содержательную критику и отказ от формального прочтения критики; аналитика объекта социального познания с позиции структуралистской установки, сочетающаяся с принципом требования рассмотрения объекта познания на двух уровнях – модусе видимости и сущности. В качестве ключевой посылки критической теории выступает аксиома «о наличии социального конфликта» и регулятивный концепт «лучшего будущего». К числу основных принципов критической теории могут быть отнесены: принцип методологической автономии социального познания и отрицание методологического холизма; принцип тождества познавательного процесса и саморефлексии общества,

сочетающийся с тезисом о единстве научного и общественного кризиса; принцип единства теории и практики; принцип изоморфизма познания и критики; а также установка на междисциплинарность и интеграцию философского и научного познания.

В **Заключении** подведены основные итоги работы, намечены перспективы дальнейшего развития исследования.

Основные положения диссертационного исследования отраженны автором в следующих публикациях:

1. Бердникова И.А. Тема разума в критической теории Франкфуртской школы // Вестник Томского государственного университета, Приложение: Серия: «Труды докторантов, аспирантов и молодых ученых Томского государственного университета», Томск: Изд-во ТГУ, № 20, 2006. – С. 42-46 (0,6).
2. Бердникова И.А. Проблема методологии социального познания в работах Франкфуртской школы // Вестник ТГПУ, Томск: Изд-во ТГПУ, Выпуск 12 (63), Серия: Гуманитарные науки (социология), 2006. – С. 5-9 (0,5).
3. Бердникова И.А. Тематизация критической методологии Франкфуртской школы // Вестник КрасГУ, Красноярск: Изд-во КрасГУ, Выпуск 14, 2006. – С. 263-268 (0,7).
4. Бердникова И.А. Тематизация критического потенциала искусства у В. Беньямина и Т.В. Адорно // Труды IV международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных наук», Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – С. 210-214 (0,6).
5. Бердникова И.А. Значение концепта «революции» в критической теории первой половины XX века // Материалы IX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование», в 6-ти томах, Томск: Изд-во ТГПУ, 2005, Т.4, Часть 2: Культурология, история, философия – С. 103-108 (0,3).
6. Бердникова И.А. К вопросу о смерти критической теории // Материалы VI региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 13 – 17 (0,25).
7. Бердникова И.А. Эстетические мотивы в критической теории В. Беньямина // Наука. Технологии. Инновации. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых в 6-ти частях, Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. Часть 6. – С. 41 – 42 (0,1).
8. Бердникова И. . К проблеме постановки цели в критической теории первой половины XX века // Наука. Технологии. Инновации. Материалы докладов всероссийской научной конференции молодых ученых в 6-ти частях, Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003, Часть 5. – С. 7 – 8 (0,1).